

Л. М. Видгоф

**Вокруг поэта:
Эмилий Миндлин, Николаус Бассехес, Георг Себастьян**

1. Эмилий Миндлин

Имя Эмилия Львовича Миндлина (1900–1981) хорошо известно тем, кого интересует биография поэта. Он писал повести, рассказы, романы («Город на вершине холма» и «Дорога к дому»); он автор пьесы «Сервантес» и книг о знаменитом северном походе на ледоколе «Красин» в 1928 году (журналист Миндлин был среди тех, кто отправился на «Красине» в Арктику; целью предприятия было спасение участников итальянской полярной экспедиции У. Нобиле): «На “Красине”. Повесть о днях Красинского похода» (1929), «Гольфстрем и фиорды» (1930) и многократно переиздававшейся книги для детей «“Красин” во льдах».

Миндлин прожил долгую и небезмятежную жизнь. В 1955 г. он был арестован за «антисоветские» высказывания¹; 1955–1956 гг. провел в заключении.

Хотя вышеперечисленные произведения отнюдь не лишены достоинств, можно с достаточным основанием предположить, что современному читателю Миндлин интересен в первую очередь своими мемуарами «Необыкновенные собеседники» (первое издание вышло в 1968 г., второе, исправленное и дополненное, – в 1979 г.).

Один из очерков Миндлина посвящен Осипу Манделъштаму. По словам автора воспоминаний, он познакомился с Манделъштамом летом 1919 г. и «потом встречался» с поэтом «в Москве, Ленинграде и снова в Москве на протяжении многих лет».²

Н. Я. Манделъштам в беседе с профессором Кларенсом Брауном (1966) отозвалась об очерке Миндлина пренебрежительно:

*«Миндлин – человек неумный, знавший М. (так в цитируемом тексте – Л. В.) очень мало, в какой-то короткий период его жизни. Однажды мне прислали мемуары Миндлина³, от которых я пришла в ужас, потому что там целые страницы прямой речи М., и он говорил дикие глупости, которые ему не свойственны были... <...> Таким образом, ну ничего злого в этих мемуарах миндлиновских нет, есть просто глубокое непонимание. <...> Все это безумно наивно и никому не нужно. Фактов здесь не будет...».*⁴

Напечатанные варианты очерка Миндлина о Манделъштаме 1968-го и 1979-го годов «прямой речью» поэта, во всяком случае, не изобилуют. Корректировке предшествующего варианта способствовало ставшее ему известным негативное отношение Н. Манделъштам:

* Данная работа является продолжением серии статей Л. Видгофа «Вокруг поэта». Первая статья из данной серии была опубликована в издании: Корни, побег, плоды... Манделъштамовские дни в Варшаве. В 2 частях. Ч. 1. М.: РГГУ, 2015.

¹ См.: Шенталинский В. А. Осколки Серебряного века. Окончание / Новый мир. 1998. № 6. С. 184–185.

² Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М.: Советский писатель, 1979. С. 86. Далее сокращенно: НС.

³ Н. Я. Манделъштам имеет в виду, очевидно, начальную версию воспоминаний Миндлина о Манделъштаме, ходивших в самиздате, которые позднее (вероятно, каким-то образом измененные) вошли в книгу «Необыкновенные собеседники» 1968 г.

⁴ Жить подальше от литературы: (Беседы Н. Я. Манделъштам с К. Брауном). Предисл. и публ. П. М. Нерлера // Октябрь, 2014. № 7. С. 140.

*«Говорят, что Миндлин после того, как узнал то, что я написала об этих мемуарах, заболел с горя и убрал всю прямую речь, - сказала в той же беседе с К. Брауном Н. Мандельштам. <...> Его мемуары у меня есть, и есть очень злое письмо, которое я написала по поводу его мемуаров».*⁵

Так или иначе, образ Мандельштама в том тексте НС, который нам доступен, получился, по нашему мнению, выразительным и интересным.

«Великолепные “Тристии” – “Печали” – первое стихотворение Мандельштама, которое я прочитал. Это было в 1918 году в Александровске, нынешнем Запорожье. “Камень” Осипа Мандельштама тогда еще не дошел до нашего городка, где власти, эпохи, общественные строи менялись с калейдоскопической быстротой.

Из Харькова привезли альманах, не помню его названия. Впервые я встретил в нем имена людей, с которыми впоследствии пришлось быть в добрых отношениях на протяжении десятков лет. Я помню в нем чьей-то работы портрет Евгения Ланна, стихи Георгия Шенгели и Александра Гатова и даже по сей день запомнил строки милого Измаила Уразова... <...>

Но поразили меня “Тристии” Мандельштама. Я был вне себя от волнения, дни и ночи повторял:

*Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.*

Я чуть не плакал от восхищения над строками, которые казались мне настоящим чудом поэзии:

И женский плач мешался с пеньем муз...

*Ошеломленный “Тристиями”, я не предполагал, что очень скоро познакомлюсь с их автором».*⁶

Издание, в котором девятнадцатилетний Миндлин прочитал поразившее его стихотворение, несложно установить. Это харьковский журнал «Пути творчества», вышедший в 1919 г., № 4. И действительно, в этом номере мы встречаем также стихи Г. Шенгели и И. Уразова.

Основная часть воспоминаний о Мандельштаме относится к Феодосии 1919–1920 гг. и к 1922–1924 гг., когда Миндлин работал в московском офисе берлинской газеты «Накануне».

О нескольких встречах с Мандельштамом нам стало известно из дневников Миндлина более поздних лет. Они хранятся в архиве Института мировой литературы (далее: ИМЛИ) им. А.М. Горького. К ним мы и обратимся.

22 мая 1927 г., незадолго до своего дня рождения (он родился 25 мая 1900 г.), Миндлин снова начал делать дневниковые записи – дневники предшествующих лет, по его признанию, были утрачены, пропали.

Вспомнив о том, что он ровесник века, на первой же странице возобновленного дневника его автор цитирует любимого поэта:

*«“Век мой зверь мой”.
(Мандельштам)»*⁷

Через несколько страниц Миндлин пишет в дневнике о том, что побывал, в качестве

⁵ Там же. С. 140.

⁶ НС. С. 89.

⁷ ИМЛИ. Ф. 571. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1. Пунктуация подлинника. В цитатах не передается графика подлинника и не отражаются поправки. В отдельных местах исправлена орфография.

журналиста, на VI-м Всесоюзном съезде работников искусств. Впечатления от съезда негативные. «От искусства там только – отбросы. Сплетни и болтовня».⁸ Характеристика съезда продолжается в дневнике рассуждениями о взаимоотношениях власти, большевиков, и деятелей культуры:

«Я знаю, что своей “опекой” над литературой большевики сами отталкивают от себя тех писателей, которые по складу своего мышления, по душевной организации и глубинным настроениям безусловно могли бы быть с ними.

Большевики сделали величайшую ошибку: они не сумели использовать ненависть большинства интеллигенции к буржуазному о-ву, морали, к войне, к торгашеству. Были периоды, когда она сами прямо толкали интеллигенцию в объятия того мира, который ей органически чужд и враждебен.

*“Никогда, никогда не боялась лира
Тяжелого молота в братских руках”*

– пел в Феодосии в 1920 или 21 г. Мандельштам.

Мудрый, гениальный прекрасный Осип Эмильевич! Вы не убоились – это верно. Но когда однажды мы гуляли с Вами в Москве по Петровке – Вы говорили о поколении, отодвинутом историей в сторону – с горечью, но и с примирением мудреца говорили. Ваша лира оказалась все таки сломаной...

“Ну что ж попробуем огромный (?) неуклюжий, скрипучий поворот руля?”

Так, кажется, у Мандельштама.

Ах, эта субъективная и объективная правда.

Объективно – “никогда, никогда не боялась лира тяжелого молота в братских руках”, объективно – “попробуем”, а субъективно... лира-то все таки сломана?

Но – лира вообще, или лира гениального и малоизвестного поэта Осипа Мандельштама? Ведь вот в чем вопрос!

*Нерасторопна черепаха-лира
.....
Она лежит на солнышке Этира
Тихонько грея золотой живот».⁹*

Разговор с Мандельштамом на Петровке, упоминаемый в дневнике Миндлина, не датирован. «Лира» Мандельштама, как мы знаем, «сломанной» не оказалась. Но слова поэта «о поколении, отодвинутом историей в сторону», перекликаются, во всяком случае, с мотивами стихотворений «Век» (1922) и «1 января 1924» (1924).

Как уже сообщалось, 22 мая 1927 г. (это было воскресенье) Миндлин возобновил писание дневника. 28 мая, в субботу, Миндлин с женой и сыном выехали в Крым. В день отъезда автор дневника встретил в Москве Мандельштама. В дневнике появилась следующая запись:

«Перед отъездом в субботу встретил великого Мандельштама. Как поседел и облысел этот благороднейший из прекраснейших поэтов, Он был с женой – она поправилась. “Вид его ужасен”.

Мы успели обменяться несколькими словами – подошел трамвай которого они ждали но среди немногих сказанных слов было нежнейшее из них: Феодосия!

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 21–22 об. Последние две строки цитируемого стихотворения о «черепахе-лире» выделены в рукописи красной чертой справа от текста.

*Феодосия дала мне постижение Мандельштама и тем оправдала свое название – “Тео – досия” – называл ее Соколовский – богоданная!».*¹⁰

В конце июля 1927 г. (Миндлин уже снова в Москве) имя Мандельштама снова возникает на страницах дневника. Обозначив дату и время записи («Москва 27 – среда. 12 ч. 23 м. ночи»), Миндлин описывает прошедший, только что завершившийся день. И, в частности, упоминает о встрече:

*«Видел Пяста. Несчастный вид. Талантливейший человек. Пропадает. Пяст: завтра приезжает Мандельштам».*¹¹

Приезжал ли Мандельштам в Москву в конце июля 1927 г. (жил он в это время в Детском Селе, как тогда именовалось бывшее Царское Село, в здании Лицея)? Во всяком случае, в Летописи этот приезд не зафиксирован. По договору с издательством «Земля и фабрика», Мандельштам должен был сдать отредактированный им перевод «Тилия Уленшпигеля» Шарля де Костера 10 июля 1927 г.¹² Согласно Летописи, «около 10» июля Мандельштам был в Москве; его московская записка М. Зенкевичу свидетельствует о том, что одной из целей приезда в столицу (если не главной) был контакт с издательством: «Я увожу с собой “Уленшпиг<еля>”. В среду высылаю его спешной почтой на твое имя в “Зиф” обратно»¹³. Может быть, завершающий этап работы над переводом потребовал еще одного посещения Москвы?

Через несколько дней, в воскресенье 31 июля, Миндлин записывает в дневнике:

*«Сегодня весь день – дома. Спал, валялся, читал стихи. Мандельштам, Анненский, Блок, Гумилев. Читал, как всегда когда один: вслух, полным голосом. Радость моя!».*¹⁴

В следующем, 1928 г., Миндлин в который раз отзывается в дневнике о Мандельштаме в превосходной степени. Однажды, например, кто-то из знакомых Миндлина передал ему привет от поэта. В дневнике появляется следующая запись:

*«Я был счастлив и горд, что великий поэт и удивительный человек помнит еще меня».*¹⁵

Привет от Мандельштама автору дневника передали, судя по записи, 18 апреля, а 6 мая Миндлин формулирует свое впечатление от недавно приобретенной книги любимого автора:

*«Москва 6 мая. Воскресенье. Книжные приобретения последних дней: Мандельштам – Стихи и Гершензон – История молодой России. Мандельштам – в новом издании Госиздата. Собрание старого его “Камня”, “Tristia” плюс “Вторая книга”. Сияюще-прекрасно. Книга меня счастливит».*¹⁶

Вообще в дневнике Миндлина периодически встречаются упоминания о том, что он читает Мандельштама.

Было бы, несомненно, интересно узнать о том, какое впечатление произвел на Миндлина вечер Мандельштама в Политехническом музее 14 марта 1933 г. Но, к сожалению, Миндлин не смог туда пойти:

¹⁰ Там же. Л. 30 об. – 31. «Вид его ужасен» – фраза отсылает к описанию Петра I из пушкинской «Полтавы»: «...Выходит Петр. Его глаза / Сияют. Лик его ужасен. / Движенья быстры. Он прекрасен, / Он весь, как Божия гроза». «Соколовский» – одесский поэт Александр Саулович Соколовский, с которым Миндлин был знаком в Феодосии.

¹¹ ИМЛИ. Ф. 571. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 154 и 157 об.

¹² Летопись жизни и творчества. Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 317. Далее: Летопись.

¹³ Там же. С. 320.

¹⁴ ИМЛИ. Ф. 571. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 166–166 об.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 2. Л. 72 об. – 73.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 3. Л. 5.

*«14 марта, вечер. Ада¹⁷ пошла в Политехнический слушать Мандельштама. Болезнь лишила меня и этой радости. Как многим был и остается Мандельштам в моей жизни».*¹⁸

Об аресте Мандельштама в 1934 г. Миндлин не пишет. Ничего нет в дневниках и о возвращении Мандельштама из Воронежа в 1937-м. Само собой понятно, что время террора не способствовало появлению в дневниках такого рода записей. О возвращении Мандельштама в Москву Миндлин уж точно должен был знать: ведь с 11 февраля 1937 г. он жил в том самом доме, где поэт был арестован в мае 1934 г. и куда ненадолго вернулся в мае 1937 г. (Мандельштам после ссылки не имел права жить в Москве). До переселения в писательский кооперативный дом на ул. Фурманова (бывший Нащокинский переулочек; в настоящее время это название переулочку возвращено) Миндлины жили в одном из строений упраздненного Страстного монастыря. В несуществующем ныне доме 3–5 по ул. Фурманова Миндлины поселились в квартире 7 на четвертом этаже – в ней ранее жила семья Евгения Петрова (соавтора Ильи Ильфа), переехавшего в новый писательский дом в Лаврушинском переулочке.

Тем не менее в дневнике 1939 г., в февральской записи (с большой долей вероятности можно предполагать, что это запись от 4 февраля) лаконично констатируется: *«Умер Мандельштам в ссылке»*¹⁹. И через несколько страниц дневника, уже в начале марта: *«Читал Тютчева и покойного Мандельштама»*.²⁰

В 1960-е гг., когда Миндлин работает над будущей книгой воспоминаний, в его подготовительных материалах появляется следующая фраза (очевидно, не имевшая шансов быть напечатанной): *«Овидиевый наследник, чьи стихотворные строки <...>²¹ вырезаны из звучащего мрамора... Изгнанный из Москвы, брошенный в тюрьмы, освобожденный и снова изгнанный, погиб смертью заключенного, ссыльного без вины...»*.²²

2. Николаус Бассехес.

В 1932 г. Осип и Надежда Мандельштам снова поселились в так называемом Доме Герцена в Москве (Тверской бульвар, 25). Снова – поскольку они уже жили в нем в 1922 – 1923 гг. Дом Герцена – комплекс построек старинной московской усадьбы; в главном доме владения в 1812 г. родился А. И. Герцен. В 1922–1923 гг. Мандельштамы жили в левом флигеле (в том, который по левую руку от ставшего лицом к усадьбе на Тверском бульваре; на его стене установлены мемориальные доски в честь О. Мандельштама, А. Платонова и Д. Андреева). Теперь, через девять лет, поэт и его жена получили жилье в противоположном, правом флигеле (здесь они будут жить в 1932–1933 гг.).

Мандельштамы въехали в правый флигель, судя по имеющимся документам, в конце января или в начале февраля 1932 г. А вскоре (не позднее июня) в одной из соседних квартир получили жилье писатель Амир Саргиджан (под таким псевдонимом печатался до 1941 г. Сергей Бородин) и его жена, писательница Т. Л. Дубинская. На первых порах отношения между соседями были приятельские. Позднее, однако, случился конфликт, произошла бытовая ссора, в связи с чем в Доме Герцена был устроен товарищеский суд под председательством А.Н. Толстого. Об этой истории писалось многократно, она отражена в ряде мемуаров.²³ Нас в настоящем случае интересует одна деталь из устных воспоминаний

¹⁷ Жена Миндлина.

¹⁸ ИМЛИ. Ф. 571. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 34.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 8. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Л. 13 об.

²¹ Часть текста утрачена.

²² ИМЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 2.

²³ См. Летопись. С. 393 – 394.

Н. Я. Мандельштам – в беседе с К. Брауном она упомянула человека, с которым поэт и его жена виделись у Саргиджана до конфликта, когда отношения между семьями были еще нормальные.

«К. Б. (Кларенс Браун – Л. В.) А вы жили не на одной?..

Н. Я. (Надежда Яковлевна – Л. В.) Не в одной квартире. В нашей квартире было три комнаты и где-то у них прямо с улицы вход в их комнату...

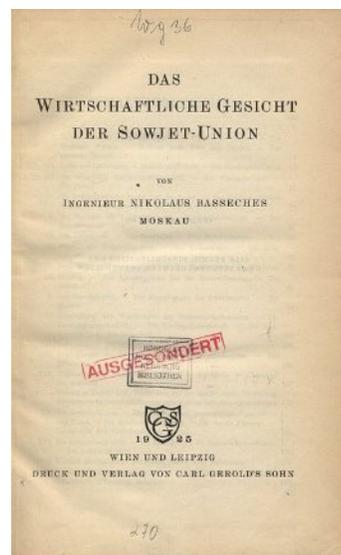
К. Б. А что – общая кухня была?

Н. Я. Ничего общего, нет, нет. Десять раз в день она (жена Саргиджана, Т. Л. Дубинская – Л. В.) заходила, и он заходил, как только к нам кто-то приходил. Очевидно, велся учет наших посетителей. Эти разговоры об иностранцах были такого плана – что необходимо встретиться с таким-то, что он даст чулки, что он даст что-нибудь, что через них можно получать вещи, вот так. Это все время она ко мне приставала, низкопробная. Между прочим, сейчас я забыла фамилию, была очень шумная история – выслали корреспондента “Нойе фрайе прессе”, по-моему, венской газеты. И за него сел его брат, много лет просидел, сейчас уже где-то под Москвой живет. Это работа жены Саргиджана, она, вероятно, была ведущей фигурой в этой истории. Он был обвинен в оскорблении русских женщин, боюсь, что он оскорбил эту даму... <...> Как-то в самом начале знакомства, еще не было ясно, кто они, они звали О.Э., он познакомился с этим корреспондентом. Очень милый интеллигентный человек был. Но Ося сразу понял, что нельзя разговаривать при Дубинской и Саргиджане».²⁴

Нет сомнений в том, что писательская усадьба и ее обитатели находились под неусыпным наблюдением кураторов с Лубянки. «Там все кишело всякой писательской шушерой и провокаторами», – так отзывается о Доме Герцена Б. С. Кузин.²⁵ Доносили ли на Мандельштама его соседи по флигелю С. П. Бородин–Саргиджан и Т. Л. Дубинская? Мнение Н. Мандельштам, при всей весомости его, не более чем предположение, и, не имея доказательств, никого ни в чем обвинять нельзя.

Н. Мандельштам упоминает некоего корреспондента, с которым Мандельштам познакомился у Саргиджана. Кто же это? Оказалось нетрудно установить, что речь идет о Николаусе Бассехесе (Nikolaus Basseches, 1895–1961), австрийском журналисте, действительно писавшем для «Нойе фрайе прессе».²⁶ Он прожил в Советской России пятнадцать лет. Его имя многократно упоминает на страницах «Московского дневника» Вальтер Беньямин, находившийся в Москве в декабре 1926 – январе 1927 г.). Бассехес был выслан из СССР в 1937 г., но выслать его, впрочем, намеревались еще раньше, что видно из письма Сталина Кагановичу и Молотову (не позднее 15 июля 1932 г.):

«Посылаю вам гнуснейшую (так! – Л. В.) пасквиль инокорреспондента Бассехеса на советскую экономическую политику. Бассехес – корреспондент “Neue Freie Presse”. Он писал в свое время гнусно о принудительном труде в лесной пром[ышленно]сти. Мы его хотели выгнать из СССР, но в виду раскаяния – он был оставлен в СССР. Он писал потом

²⁴ Жить подальше от литературы. (Беседы Н.Я. Мандельштам с К.Брауном). Предисловие и публикация П. М. Нерлера // Октябрь. 2014. № 7. С. 143.

²⁵ Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Надежда Мандельштам. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999. С.167.

²⁶ На иллюстрации: Бассехес Н. Очерк экономики Советского Союза. Вена, Лейпциг, 1925.

гнузости о политике хозрасчета. Но мы, по глупости своей, прошли мимо этих гнузностей. Теперь он изощряется по поводу займа и колхозной торговли. А мы молчим, как идиоты, и терпим клевету этого щенка капиталистических лавочников. Боль-ше-ви-ки, хе-хе...

Предлагаю:

а) облить грязью эту капиталистическую мразь на страницах “Правды” и “Известий”;

б) спустя некоторое время после того – изгнать его из СССР».

Согласно примечаниям в цитируемом издании, 10 апреля 1931 г. Политбюро приняло решение: «За заведомо клеветническое сообщение за границу в “Нейе Фрейе Пресс” о том, что заключенные уголовные преступники якобы работали на лесозаготовках на севере, а потом в связи с кампанией в заграничной печати якобы переведены с севера в другие места, имеющее целью дать новый “материал” для антисоветской кампании, корреспондента “Нейе Фрейе Пресс” Бассехеса выслать из СССР»; «Бассехес Н. был выслан из СССР в июне 1937 г. (см. Lyons E. Assignment in Utopia. London, 1938. P. 336)».²⁷

С тем, чтобы Бассехеса «облить грязью», как это предлагал Сталин, «Правда» не задержалась. 21 июля 1932 г. в ней появилась заметка «Самовлюбленный клеветник». Н. Мандельштам в беседе с К. Брауном вспоминает, что австрийский журналист был якобы обвинен «в оскорблении русских женщин». Есть все основания полагать, что эта формулировка восходит к тексту упомянутой заметки, подписанной «Д. Велопольский» (заметим, что фельетон в «Правде» появился в то время, когда Мандельштамы жили по соседству с Саргиджаном и его супругой, а Бассехес арендовал квартиру там же, в Доме Герцена, но, вероятно, в противоположном флигеле – об этом ниже):

«Один проживающий в Москве мещанин (впрочем, инженер по диплому) жестоко эксплуатировал свою домашнюю работницу. Занимаемую им жилплощадь он превратил в уголок буржуазного мира, в некоторое экстерриториальное пространство, на которое как бы не распространялись советские законы о труде и советские понятия о приличии. Этот мещанин обращался с домашней работницей так, как если бы он жил не в Москве, а где-нибудь в австрийском захолустном местечке.

Дело дошло до народного суда. Мещанин получил урок советской правовой грамоты и советского хорошего тона. Он был вынужден уплатить домашней работнице то, что ей полагалось. <...> В этом деле не было ничего замечательного. Но замечательно то, что после этого в одной из крупнейших буржуазных газет, в «Нейе фрейе Прессе», появилась злобная статья о советском народном суде. Автор хихикал и пожимал плечами в статье. Он издевался над народными судьями, у которых нет университетского диплома. Он дрянно клеветал и из Вены показывал кукиши советской власти. <...> Этот мещанин с дипломом инженера состоит московским корреспондентом «Нейе фрейе прессе» и зовут его Николай Бассехес.

Это было года два назад. Николай Бассехес продолжает осведомлять буржуазную публику о Советском Союзе. Вернее, не осведомлять, а злобно клеветать на Советский союз».

Далее автор фельетона пытается показать, что Бассехес ничего не понимает в советской жизни – так, например, австрийский журналист утверждает в своей корреспонденции, что «займ 4-го года пятилетки», в сущности, принудительный. Ничего не смыслит этот «мещанин» и в советской культуре. Образец тона заметки: «Это – психология продажного наймита пера, который пускает в ход жульнические фокусы, выкрутасы, чтобы обмануть общественное мнение рабочих капиталистических стран». Завершается статья так:

²⁷ Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001. С. 224 – 226.

«Клевета – это и есть стиль господина Николая Бассехеса. Это он сам во всем своем самовлюбленном ничтожестве».²⁸

Когда Бассехеса выслали из СССР, в «Правде» появилось лаконичное сообщение в разделе «Хроника»: «Распоряжением Народного Комиссара Внутренних Дел иностранному журналисту Н. И. Бассехесу предложено покинуть пределы СССР за систематическую злостную клеветническую антисоветскую кампанию в эстонской, чехословацкой печати и печати других стран. (ТАСС)».²⁹

Говоря о трагедии крестьянства в период коллективизации, Д. Рейфилд в своем исследовании «Сталин и его подручные» упоминает Н. Бассехеса так: «Горсточка европейских журналистов – Николаус Бассехес в Германии, Гарет Джонс и Малькольм Маггеридж из Великобритании – оказались честными свидетелями и печатали правдивые и подробные статьи, но их голоса заглушались беззастенчиво самоуверенными заявлениями, что все в порядке...».³⁰

Несомненно, не может не вызывать на размышление тот факт, что именно этого иностранного журналиста, вызвавшего в 1931–1932 гг. немалое раздражение в самых высоких кругах власти в СССР, пригласили к себе Саргиджан и Дубинская.

Вальтер Беньямин, тесно общавшийся в Москве с Бассехесом, в своей книге «Московский дневник» (рус. перевод – 1997) не раз упоминает свои посещения Дома Герцена в компании с австрийским журналистом. Беньямин не пишет о том, где жил тогда Бассехес. Но вот позднее, в одном из протоколов заседаний жилкомиссии Всероссийского союза советских писателей (ВССП), - от 1 ноября 1931 г. - мы встречаем следующий пассаж:

«Комиссия поручает т. Евдокимову заключить с гр. Бахетисом³¹ договор (на год) на сдачу второго этажа в левом крыле Дома Герцена с правом пользоваться кухней в первом этаже до весеннего строительного сезона, когда гр. Бахетис обязуется собственными средствами оборудовать кухню в верхнем этаже.»³²

До 1931 г. значительную часть левого флигеля (а также, видимо, часть правого) Дома Герцена арендовала датская телеграфная компания – Большое Северное Телеграфное Общество (БСТО). Договор с БСТО об аренде помещений в писательской вотчине прекращал свое действие в 1931 г. Датчане должны были освободить занимавшуюся ими площадь. Это было одной из причин оживленной деятельности писательской жилкомиссии в это время – литераторов, желавших улучшить свои жилищные условия, было много, надо было установить очередность в получении жилья, создать списки тех, кто имеет право на получение комнаты или квартиры в первую очередь, во вторую и т. д. Часть освобождаемого жилого фонда Дома Герцена не досталась, однако, литераторам – квартиры заняли иностранные журналисты:

«Что касается левого крыла Дома Герцена, поступающего в общий жилфонд, из него должны быть выделены и бронированы за ВССП один этаж по фасаду, отданные (так! – Л.В.) иностран. корр. по соглашению с Наркоминделом» (протокол Секретариата ВССП от 4 октября 1931 г.).³³

Конечно, когда речь идет о том, что с «гр. Бахетисом» планируется заключить договор

²⁸ Правда. 21 июля 1932 г. С.4.

²⁹ Правда. 1937. 3 июля. С.6.

³⁰ Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С.202.

³¹ В протоколах заседаний правления Всероссийского союза писателей (ВСП, позднее ВССП) и жилищной комиссии искажения фамилий писателей встречаются многократно. Нет ничего невероятного в том, что достаточно сложно звучащая для русского уха фамилия журналиста могла подвергнуться искажению.

³² ИМЛИ. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 16. Указано при этом, что таинственный «Бахетис» был иностранным корреспондентом.

³³ ИМЛИ. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 6.

«на сдачу второго этажа» левого крыла Дома Герцена, имеется в виду квартира (причем, судя по всему, в «фасадной» части строения), а не целый буквально второй этаж обширного флигеля.

Примем во внимание и то, что в списке писательницы В. А. Слётовой (Смирновой-Ракитиной) «Кем были заселены квартиры дома 25 в 1931 году» (готовится к публикации в специальной работе) мы встречаем и такую строку: «кв. 29 – Немецкий корреспондент» – правда, его жильё на плане указано хотя и в левом флигеле, но не в той части, которая смотрит на Тверской бульвар, а в дворовой (но ведь это в 1931-м, а не в 1932 г., о котором мы говорим).

Е. В. Пастернак, ознакомившаяся с нашей работой в рукописи, сообщила, что ее покойный муж, Евгений Борисович Пастернак, живший в те годы с матерью в левом флигеле Дома Герцена, говорил ей о том, что по соседству с ними проживал корреспондент Бассехес. Так что предположение подтвердилось.

Через пять лет после высылки из СССР, в 1942 г., Бассехес опубликовал сочинение на актуальную тему: *Die unbekannte Armee. Wesen und Geschichte des russischen Heeres*. Zürich – New York: Europa Verlag, 1942 («Неизвестная армия. Сущность и история русских Вооруженных сил»), а после войны – книгу о Сталине: *Stalin. Das Schicksal eines Erfolges*. Bern: Scherz, 1950 («Сталин. История успеха»).

В заключение позволим себе высказать осторожное предположение. Николаус Бассехес стал, возможно, прообразом журналиста Гейнриха в «Золотом теленке» Ильфа и Петрова. «Золотой теленок» публиковался в 1931 г. в журнале «30 дней», отдельным изданием книга вышла в 1933 г. Бассехес был заметной фигурой в писательско-журналистском мире Москвы, а уж в эти годы «скандал» с ним, о котором писала «Правда», «очень шумная история», по словам Н. Я. Мандельштам – это ее определение, очевидно, относится не к высылке журналиста в 1937 г., а к «эксплуатации» домработницы – должны были повысить внимание к нему. В «Золотом теленке» «господин Гейнрих» – «представитель свободомыслящей австрийской газеты»³⁴; вспомним, что Бассехес был корреспондентом «*Neue Freie Presse*», т. е. «Новой свободной газеты». «Маленький и злой» Гейнрих подозрительно хорошо говорит по-русски, хвалит Художественный театр (а Бассехес писал и о культурной жизни Москвы), критически относится к строительству социализма в СССР и иронически именуется «наемником капитала». Во всяком случае личность Н. Бассехеса заслуживает дальнейшего изучения; не исключено, что в австрийских и немецких архивах могут быть обнаружены в связи с ним какие-либо интересные материалы.

3. Георг Себастьян.

19 апреля 1937 г. Мандельштам написал жене письмо, в котором сообщал о проведенном накануне дне:

*«Вчера мы с мамой пошли в Дом Красной Армии. Я омолодился там в роскошной парикмахерской за 2 р. 50 к. Концерт оказался бесплатным, по особым пропускам. Я взял два: себе и маме. Но пришла Наташа – и ей не дали пропуска. И мама ушла домой (уступив свой Наташе) очень неохотно: так ей понравился Дом Красной Армии. Себастьян плясал как сириец, нубиец и фригиец плюс еврей. А играли очень хорошо».*³⁵

³⁴ Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. Тула: Приокское книжное издательство, 1965. С.248.

³⁵ Мандельштам О. Э. Полное собрание соч. и писем. В трех томах. Т. 3. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 558. В это время Надежда Яковлевна выехала на время в Москву, а высланный поэт находился в Воронеже.

Долгое время комментаторы писем не догадывались, кто такой Себастьян? Имеет ли он отношение к концерту? Ответ был получен нами после обращения к воронежской газете.

Георг Себастьян – знаменитый дирижер. Родился в Будапеште в 1903-м, умер во Франции в 1989 г. В 1921 г. он закончил Музыкальную академию в Будапеште, затем учился в Мюнхене у Бруно Вальтера. Работал в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке. Дирижировал в Германии (Лейпциг, Гамбург и Берлин). В 1931–1937 гг. руководил симфоническим оркестром Всесоюзного радиокомитета (Москва). Позднее – снова США и, наконец, Франция («Гранд-опера» и «Опера комик», Париж). Эти данные можно получить, в частности, в Музыкальной энциклопедии³⁶.

Для нас существенно, что в 1931–1937 гг. покинувший Западную Европу дирижер (одной из важнейших причин отъезда из Германии был для Себастьяна все более усиливавшийся в стране нацизм) работал в СССР.

Все писавшие о Себастьяне отмечали его яркий темперамент:

*«В ту пору³⁷ Себастьян покорял увлеченностью, передававшейся музыкантам, пылким динамизмом, наэлектризованностью своих интерпретаций, вдохновенным порывом. Это были годы, когда артистический почерк музыканта только формировался, хотя позади у него были (так в тексте. – Л. В.) немалый период самостоятельной работы».*³⁸

Таким горячим, ярким дирижером он оставался и позднее:

*«В начале шестидесятых гастрольные пути вновь привели Себастьяна в СССР. <...> “Мы узнали бывшего Себастьяна, - писал критик, - талантливого, влюбленного в музыку, пылкого, темпераментного, моментами до полного самозабвения и наряду с этим (отчасти же именно по этой причине) – неуравновешенного и нервного”. Рецензенты отмечали, что искусство Себастьяна, не потеряв своей свежести, стало с годами глубже и совершеннее».*³⁹

А вот свидетельство дирижера, лично знавшего Себастьяна и работавшего с ним:

*«Властным жестом maestro вызывал к жизни музыку, но именно она и подчиняла его себе. Исполнение под его управлением Моцарта, Бетховена, Шуберта, Чайковского, подкупало своей нетрадиционностью, оригинальностью их прочтения, и в то же время это были подлинные Моцарт, Бетховен, Шуберт, Чайковский...». «Темпераментом он, действительно, отличался необыкновенным. Во время исполнения Шестой симфонии Чайковского дирижер настолько загорелся, что при одном из энергичных взмахов руки у него лопнул рукав фрака...».*⁴⁰

18 апреля 1937 г. воронежская газета «Коммуна» сообщала:

«Концерты Георга Себастьян

В Воронеж прибыл крупнейший европейский дирижер, художественный руководитель симфонического оркестра Всесоюзного радиокомитета Георг Себастьян. <...>

В Воронеже под управлением Себастьяна состоятся два концерта симфонического оркестра – 18 апреля, днем, в Доме Красной Армии и 19-го – в Большом советском театре. В программе – симфония С-dur Шуберта, “Ромео и Джульетта” Чайковского и

Упомянутая в письме «мама» – В. Я. Хазина, мать Н. Я. Мандельштам. «Наташа» – Н. Е. Штемпель, воронежский друг Мандельштамов.

³⁶ Музыка: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. С. 489.

³⁷ Имеются в виду 1930-е гг.

³⁸ Григорьев Л. Г., Платек Я. М. Современные дирижеры. М.: Советский композитор, 1969. С. 239.

³⁹ Там же. С. 240.

⁴⁰ Паверман М. И. Войти в музыкальный мир. Воспоминания дирижера. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. С. 69 и 71.

увертюра к опере “Сицилийская вечерня” Верди.⁴¹

Итак, это экспрессивный Георг Себастьян «плясал как сириец, нубиец и фригиец плюс еврей», управляя 18 апреля 1937 г. воронежским оркестром.

⁴¹ Коммуна. 1937. № 89, 18 апр. С. 4. Заметка подписана: Слушатель. См. также в интернете: <http://СВИК-ТВ.РФ/den-v-istorii-30>. На сайте верно указано, какой оркестр играл, но ошибочно утверждается, что концерты проходили в один день, 19 апреля 1937 г.